

ЕКАТЕРИНА ЛЕОНИДОВНА СМИРНОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Института истории, политических и социальных наук Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-0579-8774; esmirnova@petrsu.ru

ПЛИНИЙ-ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ: ОБРАЗ РИМСКОГО УЧЕНОГО-ЭНЦИКЛОПЕДИСТА В ЗАБЫТОМ ОЧЕРКЕ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

А н н о т а ц и я . Роль античного компонента в отечественной литературе второй трети XIX века оценивается современными учеными неоднозначно. Исследование образа Плиния Старшего в опубликованном в 1850 году очерке «Плиний естествоиспытатель» – одном из первых в русской словесности подробных обзоров жизни, творчества и мировоззрения знаменитого римского энциклопедиста – предпринято с целью уточнить и дополнить представления об особенностях рецепции античного культурного наследия в российской литературе середины XIX века. Анализ характерных черт портрета Плиния Старшего приводит к выводу о том, что повествователь, чье имя, к сожалению, остается неизвестным, новаторски изображает Плиния в непривычном для широкой читательской аудитории ракурсе: не только автором грандиозной «Естественной истории», но активным государственным деятелем и оригинальным мыслителем драматичной эпохи усиления монархии в Риме. Биография Плиния Старшего представлена как достойный подражания пример умения распоряжаться временем и успешного сочетания государственной службы с научными занятиями. В размышлениях Плиния Старшего о месте человека в окружающем его мире в качестве ключевых выделены выводы о жалкости человеческого честолюбия и катастрофических последствиях, к которым оно может привести. Раскрывая мировоззрение Плиния Старшего, автор середины XIX века одновременно приоткрывает читателю свое миропонимание, выбирая из «Естественной истории» примеры, наиболее созвучные собственным взглядам. Особую роль в очерке играют экскурсы о Плинии Младшем и комментарий к оценкам творчества Плиния Старшего у де Бюффона и Кювье: они призваны убедить читателей в том, что критический анализ идей классических писателей и полемика с ними не перечеркивают благорасположения к античным авторам и античное наследие сохраняет значение надежной основы для диалога времен, объединяющего представителей различных исторических эпох раздумьями над общими для всех веков проблемами.

К л ю ч е в ы е с л о в а : античность, рецепция, Древний Рим, Плиний Старший, «Естественная история», Плиний Младший, журнал «Библиотека для чтения»

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ) № 22-18-00423 (<https://rscf.ru/project/22-18-00423/>).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Смирнова Е. Л. Плиний-естествоиспытатель: образ римского ученого-энциклопедиста в забытом очерке середины XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 7. С. 98–107. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.963

ВВЕДЕНИЕ

Очерк «Плиний естествоиспытатель», опубликованный в 1850 году в журнале «Библиотека для чтения»¹, занимает своеобразное место в отечественной словесности середины XIX века. С одной стороны, роль этого сочинения в истории российских изысканий о Плинии оказалась незавидной: решение разместить статью в отделении «Смесь», завершающем разделе журнала,

и без указания автора² обрекало текст на не самый большой интерес у читательской публики и безвестность у составителей библиографических обзоров по римской истории и литературе³. С другой стороны, именно этот малоизвестный очерк о Плинии Старшем стал одним из первых подробных обзоров биографии, литературного наследия и мировоззрения римского ученого-энциклопедиста в русской литературе, адресо-

ванных массовому читателю, и он, несомненно, заслуживает внимания в рамках исследования особенностей восприятия и переосмысления античного культурного наследия в отечественной словесности. Цель статьи – выявить характерные черты, формирующие образ Плиния Старшего в посвященном ему очерке середины XIX века, и раскрыть их роль в «разговоре о древних» (Плиний: 11), к которому пригласил автор своих читателей, учитывая, что в авторском выборе определенной исторической личности для повествования отражаются, как правило, раздумья о своем времени и стремление глубже понять смысл происходящего. Актуальность исследования определяется, во-первых, активизацией интереса к личности Плиния Старшего в связи с началом публикации первого полного русскоязычного перевода «Естественной истории» [10], а во-вторых, наличием в современной науке об античности дискуссии по вопросу о роли античного компонента в отечественной литературе второй трети XIX века [7: 154–182], [8: 116], [14: 7], [15: 122–125, 137–158].

* * *

В ряду античных писателей Плиний Старший оказался автором, чье литературное наследие не в самой большой степени повлияло на развитие российской словесности XVIII и первой половины XIX века. С одной стороны, грандиозное творение Плиния Старшего – «Естественная история» в 37 книгах – было созвучно эпохе Просвещения, отмеченной успехами в развитии естественных наук, верой в преобразующую силу познания окружающего мира и интересом к энциклопедической форме представления научного знания, предназначенного для самого широкого круга образованных читателей [3: 801–802, 805]. В высокообразованном слое российских любителей словесности, наук и художеств XVIII века труд Плиния был известен. На его сведения о живописи древних ссылается Г. Н. Теплов, а о скульптуре – Н. М. Карамзин. О своем стремлении «знать все тайны природы» после знакомства в юном возрасте с сочинением Плиния вспоминает Н. П. Николев [8: 180–181]. Выпискам из «сказания Плиния Секунда Старейшего» посвящает четырнадцатую главу в «Истории Российской» В. Н. Татищев, отмечая, что у Плиния есть главы «нужнейшие к Русской Истории и Географии»⁴. Татищев вкратце упоминает и об обстоятельствах гибели Плиния Старшего: «славный философ» умер «на горе Везувии, которую из любопытства хотя осмотреть, курением из оной задохся»⁵. С другой стороны, о широком интересе к «Естественной истории» Плиния Старшего в России XVIII века говорить

все же не приходится. Существенной преградой к глубокому знакомству с его трудом был не только объем сочинения или недостаточное знание латинского языка у значительной части потенциальных читателей, но и закрепившаяся к концу XVIII века убежденность в том, что сочинение Плиния безнадежно устарело. «Древний кумир исчез», – признавался Николев, прочитавший после «Естественной истории» Плиния труд Ж.-Л. де Бюффона о животных⁶. В сказании Плиния «по тогдашнему худому и недостаточному о вещах мира знанию басен много находится», – отмечал Татищев⁷.

Первая четверть XIX века стала новым этапом в восприятии жизни и творчества Плиния Старшего в отечественной словесности. Во-первых, в 1819 году был опубликован перевод на русский язык XXXII–XXXVII книг «Естественной истории», выполненный В. М. Севергиным⁸, с предисловием об истории изучения, издания и переводов сочинения Плиния в странах Европы и «кратким известием» о жизни писателя⁹. Во-вторых, усилился интерес к творчеству Плиния Младшего (племянника Плиния Старшего)¹⁰: в его «Панегирике императору Траяну», наилучшему принцепсу, легко обнаруживался материал для лестных сопоставлений с царствованием Александра I. Плиний Младший пользовался популярностью и как автор десяти книг писем, в которых значительное внимание уделялось литературному и научному творчеству, признаваемому достойнейшим занятием для любого благородного образованного человека. Одним из образцов подобного рода занятий в письмах Плиния Младшего выступал Плиний Старший:

«...я считаю счастливыми людей, которым боги дали или совершить подвиги, достойные записи, или написать книги, достойные чтения; к самым же счастливым тех, кому даровано и то, и другое. В числе их будет и мой дядя» (Plin. Ep. VI.16.3)¹¹.

Интересно, что начало именно этих строк предпослал в 1822 году эпитафией к своему «Краткому опыту истории русской литературы» Н. И. Греч¹². Наконец, активизация раскопок в Помпеях способствовала оживлению интереса к трагической гибели Плиния Старшего во время извержения Везувия. Выход в свет «Частной Реторики» Н. Ф. Кошанского¹³ зафиксировал тот набор сведений о Плинии Старшем как ученом римлянце, погибшем во время извержения Везувия вследствие увлеченности наукой, и его энциклопедическом труде «Естественная история» как важном памятнике древней учености, который стал неотъемлемой частью литературно-культурного компонента гимназического образования в Российской империи.

Однако и первая половина XIX века не стала временем активного изучения творчества Плиния Старшего в России: перевод Севергина оставался единственным, а ссылки на «Естественную историю» – характерными лишь для научных статей или публицистики, связанной с проблемами развития естествознания¹⁴. Плиний-естествоиспытатель с устаревшим набором сведений о природе потерял ореол непререкаемого авторитета в естественных науках [11: 157], отодвинув на некоторое время в тень Плиния-литератора, мастера энциклопедической формы представления научного знания [1: 1378–1379], и Плиния-мыслителя, современника становления императорского режима в Риме и укрепления идеи мирового государства, воплощенной в Римской империи [12: 104].

На этом фоне опубликованный в 1850 году в журнале «Библиотека для чтения» пространственный очерк «Плиний естествоиспытатель», повествующий о жизни, творчестве, а главное, взглядах Плиния Старшего на человека и его место в мире, представляет особый интерес как заметное отступление от общей тенденции равнодушия к некогда авторитетному римскому энциклопедисту, признак возрождения интереса к его труду и один из первых подробных обзоров его творчества в отечественной словесности, адресованный широкой читательской аудитории.

Начинается очерк вступлением, цель которого – привлечь внимание читателей к разговору о древних, вопреки тому что далекое прошлое мало интересует людей современных, вечно спешащих, погруженных в заботы и проявляющих интерес только к громким именам новейшего времени (Плиний: 11). Сетование на то, что древность – это удел ученых и редких любопытствующих, открывает статью неслучайно: оно отражает характерную для середины XIX века обеспокоенность превращением античного наследия из обязательного компонента культуры в предмет интереса только для узкого круга специалистов¹⁵. Свое обращение к Плинию Старшему автор очерка обосновывает так:

«Из всех древних оба Плиния оставляют по себе самое прочное и самое приятное воспоминание. Они еще на школьной скамье являются нам рука об руку <...> племянник рассказал нам незабвенную историю смерти дяди» (Плиний: 11).

Как видим, автор статьи уверен в том, что его читатели помнят из полученного в гимназии образования рассказ Плиния Младшего в письме к историку Тациту о последних днях Плиния Старшего (Plin. Ep. VI.16), и опирается на читательский опыт своей аудитории как фундамент для создания новых граней в образе римского ученого.

Переходя к рассказу о жизни и творчестве Плиния Старшего, автор статьи выделяет три момента, которым почти не уделялось внимания в школьных учебниках. Читатель узнает, что Плиний Старший был автором не только «Естественной истории», но и ряда других, не сохранившихся до Нового времени сочинений, в числе которых: «О метании дротиков с коня», «Германские войны» в 20 книгах, «История своего времени» в 31 книге, риторические и даже грамматические сочинения¹⁶. Важнейшей составляющей биографии Плиния Старшего являются сведения о том, что он был не только естествоиспытателем, но человеком военным и государственным, сведущим в юриспруденции. Разнообразие военных и гражданских должностей и занятий в карьере Плиния преподносится читателям как заслуживающее уважения, как «честь и достоинство Римлянина». Наконец, Плиний Старший характеризуется как гражданин, активный не только в государственной деятельности, но и в свободное от нее время: на досуге он беспрестанно читал, делал выписки и извлечения, «все время, не посвященное ученым занятиям, он считал потерянным» (Плиний: 12).

Акцент на умении Плиния Старшего распоряжаться временем, которое позволило ему, несмотря на раннюю смерть, прожить «столько, как не многим удавалось жить», заслуживает более подробного рассмотрения. Вопрос о сравнительной ценности государственной деятельности и занятий, посвященных изучению науки и мудрости, был поставлен уже в трактате Цицерона «Об обязанностях» (Cic. De off. I.153–155)¹⁷, и в его рассуждениях, как отмечает Я. Ю. Межеричский, в зародыше обнаруживается идея, получившая развитие в последующей политико-философской мысли: досуг, посвященный изучению наук, может быть полезен государству [9: 44]. Тем не менее нормой для Цицерона и его современников оставалась жизнь, посвященная республике, а досуг рассматривался как нечто нежелательное, за исключением ситуаций, когда «надо всем властвует один человек и нет возможности ни дать совет, ни взять на себя ответственность», в связи с чем уход от политической деятельности к литературным или философским занятиям делается для добропорядочных мужей оправданным (Cic. De off. II.2–4). В период ранней империи вопрос о соотношении жизни активной и жизни созерцательной приобрел новое звучание: сознательное отстранение от государственных должностей и участия в общественной жизни стало для определенной части представителей высших сословий Рима выражением политической позиции – неприятия происходящего и нежелания сотрудничать с императорской властью, край-

ним проявлением которого было самоубийство как путь к свободе [9: 46–47]. Л. Анней Сенека, философ, сенатор и воспитатель Нерона, прошедший путь от приближенного императора до подозреваемого в участии в заговоре, получившего приказ покончить с собой, в трактате «О досуге» обосновывает созерцательный, философский образ жизни, поскольку «не существует государства, которое может терпеть истинного мудреца, и нет мудреца, который смог бы вынести какое-либо реальное государство» (Sen. De otio. VIII.1–4). Призыв посвятить себя философскому досугу, достойной альтернативе как навязанным честолюбием ничтожным занятиям на государственной службе, так и потребительскому безделью, преисполненному роскошных излишеств, проходит и через «Письма к Луцилию» [9: 54–57].

В «Письмах» Плиния Младшего, написанных почти сорок лет спустя, в правление Траяна – в эпоху, которую Тацит назвал временем «редкого счастья, когда каждый может думать, что хочет, и говорить, что думает» (Tac. Hist. I.4)¹⁸, – вопрос решается иначе: Плиний Старший представлен как воплощение идеального умения совмещать исполнение должностей и интеллектуальные занятия в свободное от работы время¹⁹. Именно этот путь, который, по мнению Г. С. Кнабе, в Риме периода ранней империи был связан с представителями наиболее перспективной для развития римского государства силы в высших слоях общества [6: 38, 46–47], представляется идеальным автору очерка о Плинии Старшем в середине XIX века. Биография Плиния Старшего преподносится как пример жизни человека, успешно сочетавшего государственную службу с литературными и научными занятиями, а сам Плиний – как образцовый римлянин и вневременной идеал высокообразованного государственного деятеля, все свои интеллектуальные силы и время посвящающего благу отечества. Универсальность жизненного принципа, примером которого представлен Плиний Старший, подчеркивается в очерке нарушающим последовательность эпох выводом: «“Тот не рожден для славы, кто не знает цены времени”». Это изречение Вовенарга²⁰ было, кажется, правилом жизни Плиния» (Плиний: 12).

Подход автора статьи о Плинии-естествоиспытателе к характеристике «Естественной истории» примечателен, на наш взгляд, сочетанием традиций и новаторства. Традиционным можно считать сопоставление Плиния с Аристотелем не в пользу первого: «Плиний вовсе не Аристотель, то есть не непосредственный самобытный наблюдатель»; «Естественная история» – произведение книжной учености, «подробная опись всего, что бы было написано и говорено по предмету», а не опытная наука (Плиний: 13). Новаторством представляется

попытка показать читателям «Естественную историю» Плиния Старшего не только как обширный свод естествознания своего времени, но как сочинение, раскрывающее многогранный образ своего создателя, который, как истинный римлянин, старательно этот образ выстраивает, стремясь по нравиться современникам и заботясь о своей славе в веках. В статье подчеркивается:

«... прежде всего поражает нас сам автор и собиратель; он мастер своего дела <...> сила его пера нигде не ослабевает ни на минуту, даже в бесконечном описании стольких мелких, нередко утомительных подробностей. Он разнообразит их замысловатыми историческими рассказами, оживляет точностью и быстротой языка; украшает нравственными выводами» (Плиний: 13)²¹; «... на каждой странице открывается в нем глубокое чувство неизмеримости природы и римского величия» (Плиний: 14)²².

Несколько составляющих образа Плиния Старшего выделены в статье особо. По мнению автора очерка, во II книге «Естественной истории» в рассуждениях Плиния о мире и стихиях, несмотря на имеющиеся в них заблуждения и ложные понятия,

«нельзя не признать с первого разу <...> одного из образованнейших людей своего времени, такого человека, с которым ученый нашего века мог бы беседовать как со своим собратом» (Плиний: 14).

Автор статьи называет Плиния энтузиастом науки и находит крайне привлекательным его благоговение перед самоотверженными исследователями тайн природы из прежних времен, посвятившими себя труднейшим изысканиям «без всякой другой корысти кроме удовольствия принести пользу науке и потомству», и его верность кропотливым научным занятиям, невзирая на насмешки и даже презрение окружающих (Плиний: 15).

По всей видимости, внимание читателей к сочинениям Плиния на то, что его современникам, ослепленным страстью к наживе, обращенным к роскоши, неге и удовольствиям стола, не удастся прибавить ничего к открытиям древних, несмотря на неустанные заботы государя о развитии наук и искусств (Plin. NH. II.46), привлекается в статье неслучайно. Во-первых, оценки Плиния оказывались в некоторой степени созвучны характерным для 1830–1840-х годов размышлениям о соотношении достижений Античности и Нового времени, причем не в пользу последнего²³. Во-вторых, в них можно было усмотреть определенные параллели с оценкой состояния отечественной словесности в так называемый смирдинский период, которая была дана В. Г. Белинским. Исходя из наличия двух путей в творческой деятельности для тех, «кому природа при рождении положила на чело печать гения», – творить бескорыстно, трудиться безвоз-

мездно, терпеть гонения злых или же торговать своим божественным даром, положить цену на каждое слово²⁴, – Белинский отмечает, что главным распорядителем этапа в развитии русской словесности, начавшегося с выходом «Новоселья», стал А. Ф. Смирдин, который «одобряет и ободряет юные и дряхлые таланты очаровательным звоном ходячей монеты»²⁵. А далее указывает: «Есть люди, которые утверждают, что г. Смирдин убил нашу литературу, соблазнив барышами ее талантливых представителей»²⁶.

Еще одной важной чертой образа Плиния Старшего представлены в очерке такие «глубокие и оригинальные мысли», как вывод о жалкости человеческого честолюбия, которому сама природа определила ничтожную, в сравнении с бескрайними просторами водной стихии, арену для деятельности и обретения славы (Плиний: 16). Автор имеет в виду строки из II книги «Естественной истории», хотя и не приводит прямую цитату:

«Здесь мы исполняем свои обязанности, здесь применяем власть, желаем богатств, волнуемся, как свойственно людям, воюем, даже между собой, и, убивая друг друга, расширяем свои земли. <...> Расширивший как можно больше свои поля, изгнавший за их пределы былых жителей, будет ли он рад своему наделу? или если он сможет расширить владения в меру своей алчности, какую в конце концов их часть он займет своей могилой?» (Plin. NH. II.68)²⁷.

Рассуждения о несправедливости и в конечном счете бессмысленности войн за расширение территории в сочинении римского автора – их современника, участника и историографа – весьма любопытны²⁸. Но еще более интересно то, что на эти размышления считает важным обратить внимание своих читателей автор очерка о Плинии Старшем в середине XIX века. Вероятно, слишком живой отклик они могли найти в современниках последних лет правления Николая I.

Взгляды Плиния Старшего на вопрос о месте человека в природе рассматриваются в очерке и на примере его рассуждений в VII книге «Естественной истории». В статье приводится ряд мрачных образов, иллюстрирующих отмеченное Плинием Старшим противоречие: «Ничего нет в природе величественнее и вместе с тем жалче человека» (Плиний: 16)²⁹, – и упоминаются мыслители сходных с Плинием взглядов: «...он, кажется, помнит краски Лукреция и готовит предмет для размышлений Паскаля» (Плиний: 16). Одна из плиниевых картин (Plin. NH. VII.1.2) выделена особо:

«...он показывает нам человека как единственное животное, брошенное *нагим на нагую землю*, знаменующее свое вступление на свет слезами, не знающее радости до сорокового дня» (Плиний: 16).

Автор очерка указывает, что Плиний получил упреки «в склонности к мизантропической философии» от Ж. Л. Кювье, однако сам находит объяснение взглядам римского ученого: «...родившись в век бедствий и нравственного растления, Плиний перенес свои нравственные впечатления, свое негодование на общество и в изучение природы» (Плиний: 16). Отметим, что в этом пояснении отразилось характерное для литературы 1830–1840-х годов восприятие Рима эпохи империи как времени глубочайшего нравственного падения, всеобщего разочарования и попыток найти утешение для скорбящего духа либо в грубом смешении разнообразных богов в одном пантеоне, либо в области умозрений – в философских взглядах стоиков и Эпикура – при невозможности найти удовлетворение в поисках, так как настоящее исцеление и обновление приносит только христианство³⁰. Однако автор статьи о Плинии помимо конкретно исторического объяснения предлагает и более широкую, не ограниченную рамками одной исторической эпохи, трактовку взглядов Плиния Старшего и его «единомышленника» Паскаля:

«Бывают великие умы, которые, может быть, преувеличивают трудности и сами создают в себе противоречия, чтобы доставить себе мучение бороться с ними и радость восторжествовать над ними. Есть и философы, легче сживающиеся с окружающим миром, более созерцательные умы» (Плиний: 16).

Переходя к разбору приводимых Плинием занимательных фактов о великих людях, которые «возвышались над человечеством в каких бы то ни было отношениях», составитель очерка останавливается на созданных в «Естественной истории» образах Цезаря и Суллы, двух знаменитых диктаторов Римской республики (Plin. NH. VII.25; VII.43; VII.54). Первый был в высшей степени наделен силой духа, особенной энергией и «быстротой в мысли и действии, подобной огню», второй – «единственный досель человек... который осмелился принять прозвище Счастливого» (Плиний: 17). Однако для Плиния Старшего оба они, как подчеркивается в статье, не безупречны. Величие первого умалется пролитием человеческой крови, гибелью свыше миллиона человек в сражениях; счастье второго – его собственной кончиной, которая была «гораздо жесточе гибели тех, кого он обрек изгнанию и смерти», ибо в последние дни жизни ужасная болезнь терзала тело Суллы, но еще более ужасный страх, что кто-нибудь осквернит его могилу, вырыв после погребения его тело, как он когда-то велел вырыть тело своего политического соперника Мария, терзал его мысли (Плиний: 17–18).

В противовес Сулле и Цезарю воплощением подлинного величия, равного величию и могуществу народа, среди которого он родился, объявляется в статье образ Цицерона в изображении Плиния Старшего (Plin. NH. VII.30)³¹, поскольку Цицерон стал не только «светилом слова и наук», но был первым, кто стяжал прозвище отца отечества и заслужил триумф, не снимая тоги (Плиний: 18)³², то есть без масштабного кровопролития. Здесь вероятно отсылка к трактату Цицерона «Об обязанностях», в котором знаменитый оратор сравнивает заслуги на гражданском и военном поприще и вспоминает о своей роли в разоблачении заговора Катилины в 63 году до н. э., когда заговорщики были побеждены силой слова, а не оружия (Cic. De off. I.74–78). Цицерон цитирует строки из поэмы «О своем консульстве»: «...прекрасные слова, которые, как я узнал, бесчестные люди и завистники обыкновенно подвергают нападкам: “Меч, перед тогой склонись; ветвь лавра, склонись пред заслугой!”» (Cic. De off. I.77). Внимательный читатель вполне мог уловить в этой детали сопоставление с правлением Николая I – временем, когда первые места в государстве были отданы людям, облаченным в унифицированные мундиры³³, и совершенно не приветствовались фраки как символ вольнодумства, западничества и «внеслужебного» существования [13: 101–102, 108]. Драматические события «Весны народов» 1848–1849 годов придавали особую актуальность поставленному Цицероном и событиями из истории античного Рима вопросу о выборе средств при разрешении общественных конфликтов.

Дополнением к образу Цицерона в рассказах «Естественной истории», раскрывающих тему «самых возвышенных человеческих типов во всех сферах», выступает, по мнению автора очерка о Плинии Старшем, образ Менандра, «величайшего из комических поэтов» (Плиний: 18). Его величие проявилось в особенности в том, что милости царей египетских и македонских, всем щедротам и почестям, которыми его намеревались осыпать цари, он предпочел изучение наук – «сознание своего литературного достоинства, *conscientiam litterarum*, как говорит Плиний» (Плиний: 18), (Plin. NH. VII.30). Ценность литературного творчества подчеркнута также рассказом Плиния о спартанском флотоводце Лисандре, который приостановил наступление на афинян на время похорон великого трагика Софокла (Плиний: 18), (Plin. NH. VII.29).

Не останавливаясь подробно на описании животных, растений и недр земли у Плиния Старшего, за исключением сведений о папирусе (Плиний: 20)³⁴, автор очерка о римском энциклопедисте считает необходимым познакомить читателей с оценками Плиния Старшего в Новое

время на примере двух французских авторов – Ж.-Л. Л. де Бюффона (1707–1788) и Ж. Кювье (1769–1832). Граф де Бюффон, естествоиспытатель и популяризатор науки, автор «Всеобщей и частной естественной истории», преподносится как самый снисходительный из судей, который подчеркивает образованность, пронизательность ума, тонкий вкус и изящество слога Плиния Старшего. Жорж Кювье, естествоиспытатель и натуралист, автор «Этюд о природе», написанных под влиянием Бюффона, и один из составителей примечаний к переводу «Естественной истории» на французский язык, охарактеризован как судья строгий и беспристрастный, который оценивает не только заслуги, но и недостатки Плиния как ученого, упрекает его в излишнем пессимизме как мыслителя и не склонен преувеличивать достоинства его как литератора (Плиний: 19). Не отрицая справедливости оценок Кювье, автор статьи о Плинии дает понять, что его симпатии все же на стороне де Бюффона, который судит, как и подобает благородной душе из другого века, с чувством благорасположения, благодарности и искреннего участия к своему славному предшественнику (Плиний: 19).

Экскурс в творчество Плиния Младшего, «одной из самых очаровательных личностей в древнем мире», представленный в завершении повествования о Плинии Старшем, показывает, что ключевой проблемой, побудившей автора очерка к «разговору о древних», стал вопрос о достойном жизненном пути для образованного человека. Подчеркивая, что племянник Плиния Старшего – один из «самых близких к нашим понятиям» (Плиний: 20), составитель очерка идеализирует Плиния Младшего, создавая образ существа «вечно молодого, улыбающегося, краснощекого»; человека строгой нравственности и безукоризненной честности, мягкого сердца и великодушия; наместника, исполняющего поручения императора безусловно, но не бездумно; писателя, смягчающего мрачность Тацита своей добродушной грациозностью и похожего на своего дядю Плиния Старшего умеренностью и просвещенностью (Плиний: 21). «Письма» Плиния Младшего характеризуются как источник подробностей о семейной, общественной и ученой жизни честного и образованного римлянина в последние счастливые годы Римской империи; как свидетельство страсти к ученым занятиям и жажды доставляемой ими славы; как самое усладительное чтение:

«...почти нет предмета из жизни, особенно из ежедневной умственной жизни, о котором вы не встретите у него оригинальную блестящую мысль, выражение художественное и чистое, как античный камень» (Плиний: 21).

Особенно подчеркивается то, что «есть между его письмами такие, которые дышат истинной христианской моралью» (Плиний: 22)³⁵. Акцент на письме Плиния Младшего о христианах (Plin. Ep. X.96) возвращает внимание читателей к проблеме крайне непростого выбора, который порою приходится делать человеку, ступившему на путь государственной службы. Плиний Младший представлен в статье как наместник, который был вынужден исполнять строгие эдикты против христиан, однако «часто останавливался в недоумении; человеколюбие его возмущалось, и он писал Траяну <...> что ни в ком из них не открыл никакой вины» (Плиний: 22).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ характерных черт портрета Плиния Старшего в очерке «Плиний естествоиспытатель» приводит к выводу о том, что повествователь, чье имя, к сожалению, остается неизвестным, новаторски изображает Плиния Старшего в непривычном для широкой читательской аудитории середины XIX века ракурсе: не только автором грандиозной «Естественной истории», но активным государственным деятелем и оригинальным мыслителем драматичной эпохи усиления монархии в Риме, который в своде естествознания своего времени сумел мастерски создать и собственный многогранный образ, обеспечив себе и своему труду немеркнущую славу. Биография Плиния показана как достойный ответ высокообразованного, критически мыслящего, трудолюбивого и честолюбивого человека, для которого важно оставить о себе память в потомках, на сложнейший вопрос о соот-

ношении жизни активной и жизни созерцательной; как достойный подражания пример успешного сочетания государственной службы с учеными занятиями. В размышлениях Плиния Старшего о месте человека в окружающем его мире в качестве ключевых выделены выводы о жалкости человеческого честолюбия и катастрофических последствиях, к которому оно может привести, не гарантируя ни счастья, ни успокоения, ни свободы.

Раскрывая взгляды Плиния на место человека в природе, автор очерка одновременно рассказывает о себе, выбирая из «Естественной истории» Плиния то, что созвучно собственным размышлениям: о сравнительной ценности славы, достигаемой на общественном или военном поприще, и признания, которое может даровать литературная или научная деятельность; о показателях успеха и истинного величия в политике и творчестве. Включая в очерк о Плинии Старшем экскурс, посвященный Плинию Младшему, автор показывает, что вопрос о том, насколько универсальным и применимым во все исторические эпохи является выбор в пользу совмещения государственной деятельности и ученых занятий, остается открытым. Вместе с тем из комментариев к оценкам творчества Плиния Старшего у де Бюффона и Кювье с очевидностью следует, что критический анализ идей классических писателей и полемика с ними не перечеркивают благорасположения к античным авторам. Античное наследие представлено как основа для диалога времен, объединяющего представителей различных исторических эпох раздумьями над общими для всех веков проблемами.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Плиний естествоиспытатель // Библиотека для чтения. 1850. Т. 102. Отд. 7. С. 11–22. Далее цитируется по этому изданию с указанием в круглых скобках (Плиний: страница).
- ² Ответ на вопрос об авторстве статьи «Плиний естествоиспытатель» нам, к сожалению, приходится оставить открытым. Не удалось обнаружить подтверждений версии о том, что автором статьи мог быть С. С. Куторга, один из первых и лучших популяризаторов естественно-научных знаний в России, сотрудничавший с «Библиотекой для чтения» в 1845–1860 годах. Предположения об авторстве О. И. Сенковского или Э. И. Эйхвальда – авторов ряда публикаций «Библиотеки для чтения» по вопросам естествознания, активно использовавших в своих работах сведения «Естественной истории» Плиния, также не подтвердились: в перечнях трудов обоих ученых данной статьи нет.
- ³ Статья не упомянута в указателях: [Нагуевский Д. И.] Библиография по истории римской литературы в России с 1709 по 1889 г. С введением и указателями / Издал Д. И. Нагуевский. Казань, 1889. XI, 48 с.; [Малеин А.] Библиографический указатель книг и статей по римской истории на русском языке // Низе Б. Очерк римской истории и источниковедения. СПб., 1903. С. I–XXV.
- ⁴ [Татищев В. Н.] История российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором, Василием Никитичем Татищевым. Кн. 1. Ч. 1. [М.]: Напечатана при Императорском Московском университете, 1768. С. 135–136.
- ⁵ Там же. С. 135.
- ⁶ [Николев Н. П.] Дополнительные примечания на Лиро-Дидактическое сочинение // Творении Николая Петровича Николаева, Императорской Российской академии члена. Ч. 3. М.: В Университетской типографии, 1796. С. 221.
- ⁷ [Татищев В. Н.] История российская... С. 136.
- ⁸ Каия Плиния Секунды. Естественная история Ископаемых тел, переложенная на Российский язык, в азбучном порядке и примечаниями дополненная трудами В. Севергина. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1819. XVI, 363 с.

- ⁹ Там же. С. I–X.
- ¹⁰ В начале 1820-х годов были опубликованы переводы сочинений Плиния Младшего, выполненные Як. Толмачевым: «Похвальное слово императору Траяну» (1820) и «Переписка Плиния с Траяном» (1823). См.: [Нагуевский Д. И.] Библиография... С. 31.
- ¹¹ Здесь и далее цитаты из сочинений Плиния Младшего приводятся по изданию: Письма Плиния Младшего. Кн. I–X / Изд. подгот. М. Е. Сергеенко, А. И. Доватур; [Примеч. М. Е. Сергеенко и др.]. М.: Наука, 1982. 407 с.
- ¹² [Греч Н. И.] Опыт краткой истории русской литературы. СПб.: В типографии Н. Греча, 1822. VI, 391 с.
- ¹³ [Кошанский Н. Ф.] Частная реторика. Н. Кошанского. СПб.: Имп. Акад. наук, 1832. XII, 162 с.
- ¹⁴ Фабрикация бумаги, О. И. Сенковского // Библиотека для чтения. 1835. Т. 11. Отд. 4. С. 17–21; О пестроте архитектурной у древних Греков // Библиотека для чтения. 1837. Т. 23. Отд. 3. С. 64; Об исторической истине и достоверности, Н. И. Надеждина // Библиотека для чтения. 1837. Т. 20. Отд. 3. С. 172; [Эйхвальд Э. И.] О древнейших обиталищах племен славянских, финских, турецких и монгольских в Южной России, по Геродоту // Библиотека для чтения. 1838. Т. 27. Отд. 3. С. 71–73, 76; Герцен А. И. О землетрясениях // Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 355–356; Его же. Публичные чтения г-на профессора Рулье // Там же. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 140, 144; Его же. Письма об изучении природы // Там же. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 209, 211–217, 219.
- ¹⁵ В качестве примеров приведем две цитаты: 1) Из рецензии на труд по истории театра у древних народов: «Спасибо г-ну М. К. за то, что он решился целой книгой толковать об этом у нас, где... так мало заботятся о древних»: Опыт истории театра у древних народов. С рисунками и планом театра. Сочинение М. К. // Библиотека для чтения. 1849. Т. 97. Отд. 5. С. 32; 2) Из рассказа о путешествии по Италии: «Не пугайтесь меня, я не археолог. Я не умею восхищаться горами античного мусора <...> не заставлю вас отыскивать красоты в какой-нибудь статуе, до того обгложенной временем, что – не говорю уже об утраченных руках, голове и ногах, – самое туловище похоже на новозеландского фетиша»: Письма из Италии. Салерно. Развалины Пестума. В. Яковлева // Библиотека для чтения. 1850. Т. 99. Отд. 1. С. 201.
- ¹⁶ Перечень сочинений Плиния Старшего содержится в одном из писем Плиния Младшего (Plin. Ep. III.5.3–6); он обширнее списка трудов, упомянутых в очерке.
- ¹⁷ Здесь и далее цитаты из Цицерона приводятся по изданию: Цицерон Марк Туллий. О старости. О дружбе. Об обязанностях / Пер. с лат. и коммент. В. О. Горенштейна. М.: Наука, 1993.
- ¹⁸ Правление Траяна (97–117) у Тацита, Плиния Младшего, Ювенала противопоставляется правлению Домициана (81–96), когда «наполовину задушенный мир терзался последним Флавием. Рим пресмыкался пред лысоголовым Нероном» (Juv. I.4.37–38); когда «нескончаемые преследования отняли у нас возможность общаться, высказывать свои мысли и слушать других. И вместе с голосом мы бы утратили также самую память, если бы забывать было столько же в нашей власти, как безмолвствовать» (Tas. Agr. 2); когда «рабство... повлекло за собой невежество и забвение в области многих благородных знаний <...> За эти годы мы отупели и согнулись: для будущего мы сломаны» (Plin. Ep. VIII. 14.2; 14.9).
- ¹⁹ Любопытно, что почти десятилетний перерыв в карьере Плиния Старшего при Нероне и его предпочтение заняться в эти годы изучением спорных грамматических форм латинского языка, результатом которого явился труд «Сомнительные речения» в 8 книгах, Плинием Младшим не акцентируется.
- ²⁰ Люк де Клапье де Вовенарг (1715–1747) – французский философ и моралист, мастер афористического жанра, считавший главным принципом жизни человека широкую деятельность всех его душевных сил. Подробнее см.: [4: 393–395].
- ²¹ Эта особенность писательской манеры Плиния как выражение тщательно выстраиваемого авторского замысла является предметом исследовательского интереса и в XXI веке [17: 99–130].
- ²² Вывод о романоцентричности «Естественной истории» Плиния Старшего не утратил актуальности [16: 25–30].
- ²³ Например, см.: Последний день Помпеи, сочинение Г. Болвера // Библиотека для чтения. 1836. Т. 14. Отд. 2. С. 143–144.
- ²⁴ Белинский В. Г. Литературные мечтания // Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 31.
- ²⁵ Там же. С. 98.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Здесь и далее цитаты из «Естественной истории» приводятся по изданиям: Плиний Старший. Естественная история. Кн. II / Пер. с лат. Б. А. Старостина // Архив истории науки и техники. Вып. 3. М.: Наука, 2007. С. 287–366; Гай Плиний Цецилий Секунд. Естественная история. Кн. VII / Пер. с лат. А. Н. Маркина // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2010. № 1. С. 94–102; 2012. № 3. С. 155–166.
- ²⁸ В рассуждениях Плиния Старшего, по всей видимости, нашла отражение дискуссия о том, насколько необходимы Риму дорогостоящие и сопровождающиеся большими потерями походы за Рейн, в земли германских племен [5: 138, 155–156].
- ²⁹ Отсылка к строкам из VII книги «Естественной истории»: «Первенство же по праву будет отдано человеку, ради которого могущественная природа, кажется, породила все остальное, воздав суровой платой за свои столь щедрые дары» (Plin. NH VII.1.1).
- ³⁰ [Крюков Д. Л.] О трагическом характере истории Тацита // Москвитянин. 1841. Ч. II, № 3. С. 122–123, 128; Белинский В. Г. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 5. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 290–291; Герцен А. И. Из римских сцен // Герцен А. И. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 183–184; Его же. Письма об изучении природы // Там же. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 205, 209–210.

- ³¹ Современный перевод указанного фрагмента следующий: «Приветствую тебя, кто первым из всех был назван “отцом отечества”, кто первым по заслугам получил триумф в тоге и лавры красноречия, кто стал отцом латинского языка и наук и (как написал о тебе диктатор Цезарь, некогда твой противник) добыл себе славы больше всех триумфов, ибо расширить границы римского духа – более значительное деяние, чем [раздвинуть пределы] империи».
- ³² Тога была почетной одеждой римских граждан в мирное время, триумф – торжественное вступление в столицу победоносного полководца и его войска – даровался, как правило, в случае гибели более пяти тысяч врагов.
- ³³ Положение о гражданских мундирах: [Утв. 27 февраля 1834 г.]. СПб., 1834. 149 с.
- ³⁴ Имеется в виду фрагмент Plin. NH, XIII, 74–82: «...единственное свидетельство о процессе изготовления папируса в древности», ставшее предметом многочисленных комментариев и дискуссий. Подробнее см.: [2: 9].
- ³⁵ Имеется в виду письмо Плиния Младшего к императору Траяну о христианах (Plin. Ep. X.96)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альбрехт М. История римской литературы от Андроника до Бозция и ее влияния на позднейшие эпохи: В 3 т / Пер. с нем. А. И. Любжина. Т. 2. М.: Греко-Латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2004. 704 с.
2. Антоненко Е. В., Солопов А. И. Principatus medio (Plin. NH. XIII. 74). К проблеме интерпретации описания производства папируса у Плиния Старшего // Вестник древней истории. 2007. № 1 (260). С. 9–19.
3. Дорофеев Д. Ю. Василий Михайлович Севергин как переводчик Плиния Старшего: к истории рецепции античного наследия в контексте русского естествознания XVIII века // ΣΧΟΛΗ (Scholē). 2022. Т. 16, № 2. С. 791–813.
4. Жирмунская Н. А. Вовенарг и его размышления о человеке // Вовенарг Л. Размышления и максимы. Л.: Наука, 1988. С. 377–409.
5. Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 223 с.
6. Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги. М.: Наука, 1981. 208 с.
7. Кнабе Г. С. Русская античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М.: Российск. гос. гум. ун-т, 2000. 240 с.
8. Любжин А. И. Римская литература в России в XVIII – начале XX века. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2007. 221 с.
9. Межеричкий Я. Ю. Iners otium // Быт и история в античности. М.: Наука, 1988. С. 41–68.
10. Естественная история. Т. I. Кн. I–II / Изд. подгот. Е. В. Илюшечкина, А. В. Подосинов и А. В. Белоусов. М.: Русский фонд содействия образованию и науке: Изд-во Ун-та Дмитрия Пожарского, 2021. 600 с.
11. Подосинов А. В., Скржинская М. В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший: Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2011. 504 с.
12. Старостин Б. А. Плиний Старший и его «Естественная история» // Вопросы истории естествознания и техники. 2007. Т. 28, № 3. С. 104–110.
13. Толстогузов П. Н. Фрак в тексте русской культуры XIX века // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2017. № 2 (27). С. 100–111.
14. Успенская А. В. Античность в русской поэзии второй половины XIX века: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2005. 452 с.
15. Фролов Э. Д. Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 544 с.
16. Veagon M. The Elder Pliny on the human animal: Natural History Book 7. Oxford: Clarendon Press, 2005. 515 p.
17. Darab Á. The anecdotal narration and encyclopedic thought of Pliny the Elder's *Naturalis Historia*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2020. 161 p.

Поступила в редакцию 11.08.2023; принята к публикации 29.09.2023

Original article

Ekaterina L. Smirnova, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-0579-8774; esmirnova@petsu.ru

**PLINY THE NATURALIST: THE IMAGE OF THE ROMAN SCHOLAR AND ENCYCLOPEDI-
ST IN A FORGOTTEN MID-NINETEENTH-CENTURY ESSAY**

Abstract. The role of the ancient component in the Russian literature of the second third of the XIX century is controversial for modern researchers. The study of the image of Pliny the Elder in the essay “Pliny the Naturalist” published in 1850 – which is one of the first detailed reviews of the life, works, and worldview of the famous Roman

encyclopedist in Russian literature – was conducted in order to clarify and supplement the views on the features of the reception of ancient cultural heritage in Russian literature of the mid-XIX century. The analysis of the characteristic features of the portrait of Pliny the Elder in the studied essay leads to the conclusion that the narrator, whose name, unfortunately, remains unknown, innovatively portrays Pliny from a point of view unusual for the general reader: not only as the author of a grandiose *Natural History*, but as an active statesman and an original thinker of the dramatic era of the strengthening of the monarchy in Rome. The biography of Pliny the Elder is presented as a worthy example of the ability to manage time and successfully combine public service with academic pursuits. In the reflections of Pliny the Elder on the place of man in the surrounding world, the conclusions about the deplorable nature of human ambition and the disastrous consequences it may have are highlighted as the key ones. Revealing the worldview of Pliny the Elder, the mid-nineteenth-century author at the same time reveals his own worldview to the reader, choosing examples from the *Natural History* that most closely correspond to his own views. A special role in the analyzed essay is given to an excursus about Pliny the Younger and a commentary on the assessments of Pliny the Elder's works by de Buffon and Cuvier: they are meant to convince readers that a critical analysis of the ideas of classical writers and polemics with them do not negate favorable attitude to ancient authors, and the ancient heritage remains a solid foundation for the dialogue of times, uniting the representatives of various historical periods through reflections on the problems common to all centuries.

Key words: antiquity, reception, ancient Rome, Pliny the Elder, *Natural History*, Pliny the Younger, *Library for Reading journal*

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Science Foundation (project No 22-18-00423, <https://rscf.ru/project/22-18-00423/>).

For citation: Smirnova, E. L. Pliny the Naturalist: the image of the Roman scholar and encyclopedist in a forgotten mid-nineteenth-century essay. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(7):98–107. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.963

REFERENCES

1. Albrecht, M. A history of Roman literature from Andronicus to Boethius with special regard to its influence on later eras: In 3 vols. (A. I. Lyubzhin, Trans.). Vol. 2. Moscow, 2004. 704 p. (In Russ.)
2. Antonets, E. V., Solopov, A. I. *Principatus medio* (Plin. NH. XIII. 74). Towards the interpretation of Pliny's description of the manufacture of papyrus. *Journal of Ancient History*. 2007;1(260):9–19. (In Russ.)
3. Dorofeev, D. Yu. Vasily Mikhaylovich Severgin as translator of Pliny the Elder: on the history of the reception of ancient heritage in the context of Russian natural history in the 18th century. *ΣΧΟΛΗ (Schole)*. 2022;16(2):791–813. (In Russ.)
4. Zhirunskaya, N. A. Vauvenargues and his reflections on man. *Vauvenargues, L. Reflections and maxims*. Leningrad, 1988. P. 377–409. (In Russ.)
5. Egorov, A. B. Rome on the verge of eras. Problems of the birth and formation of the principate. Leningrad, 1985. 223 p. (In Russ.)
6. Knabe, G. S. Cornelius Tacitus. Time. Life. Books. Moscow, 1981. 208 p. (In Russ.)
7. Knabe, G. S. Russian antiquity. The content, role, and fate of the ancient heritage in the culture of Russia. Moscow, 2000. 240 p. (In Russ.)
8. Lyubzhin, A. I. Roman Literature in Russia in the XVIII – early XX centuries. Moscow, 2007. 221 p. (In Russ.)
9. Mezheritsky, Ya. Yu. Iners otium. *Life and history in antiquity*. Moscow, 1988. P. 41–68. (In Russ.)
10. Natural history. Vol. I. Books I–II. (E. V. Ilushechkina, A. V. Podosinov, A. V. Belousov, Eds.). Moscow, 2021. 600 p. (In Russ.)
11. Podosinov, A. V., Skrzhinskaya, M. V. Roman geographical sources: Pomponius Mela and Pliny the Elder. Texts, translations, commentary. Moscow, 2011. 504 p. (In Russ.)
12. Starostin, B. A. Pliny the Elder and his *Natural History*. *Studies in the History of Science and Technology*. 2007;28(3):104–110. (In Russ.)
13. Tolstoguzov, P. N. Dress coat in the text of the XIX century Russian culture. *Bulletin of Priamursky State University named after Sholom-Aleichem*. 2017;2(27):100–111. (In Russ.)
14. Uspenskaya, A. V. Antiquity in Russian poetry of the second half of the XIX century: Diss. Dr. Sc. (Philology). St. Petersburg, 2005. 452 p. (In Russ.)
15. Frolov, E. D. Russian science on antiquity: Historiographical essays. St. Petersburg, 1999. 544 p. (In Russ.)
16. Beagon, M. The Elder Pliny on the human animal: *Natural History Book 7*. Oxford, 2005. 515 p.
17. Darab, A. The anecdotal narration and encyclopedic thought of Pliny the Elder's *Naturalis Historia*. Cambridge, 2020. 161 p.

Received: 11 August 2023; accepted: 29 September 2023